

УДК 94(470.55)''1941/1945'':669(045)

*Ю.О. Савичева***ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА НА МАГНИТОГОРСКОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ КОМБИНАТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Статья рассматривает гендерные особенности организации труда на Магнитогорском металлургическом комбинате в период Великой Отечественной войны. Актуальность выбранной темы обусловлена значительным увеличением доли женского труда в советском тылу в экстремальных условиях войны. Магнитогорский металлургический комбинат представлял собой типичное промышленное предприятие оборонного значения в глубоком тылу. Источниковую основу статьи составили архивные материалы и источники личного происхождения; теоретическую основу — гендерный подход. В статье анализируются основные аспекты организации труда на промышленном предприятии, такие, как закрепление трудовых обязанностей работников и расстановка их на производстве, организация рабочих мест, режим рабочего времени, условия трудовой деятельности, организация оплаты труда работников промышленных предприятий. В работе сделан вывод о наличии гендерной специфики организации производственной деятельности в военных условиях тылового монопромышленного города и показано их влияние на женщин-работниц. Именно производственная активность женского населения промышленных городов стала основой выживания в условиях войны.

Ключевые слова: гендерная история, Великая Отечественная война, организация труда, промышленное предприятие, женское население.

В настоящее время Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) — одно из ведущих промышленных предприятий, играющее значительную роль в экономике страны. Он возник в 1930-х гг. и в годы Великой Отечественной войны приобрёл решающее значение для обеспечения военных нужд страны. Трудности военного времени повлекли за собой изменения и в составе рабочей силы, и в организации труда на предприятии. Значительный исследовательский интерес представляют выявление взаимосвязи этих двух процессов. Поскольку ММК — это предприятие тяжёлой промышленности, то женский труд здесь мог быть оправдан только экстремальной ситуацией и жёстким кадровым дефицитом. Цель данной статьи — рассмотрение гендерных особенностей организации производственной деятельности на промышленном предприятии. Методологической основой исследования является гендерный подход. Согласно Н. Л. Пушкарёвой, «гендерный подход к исследованию — это учёт многовариативно-го влияния пола, а пол состоит, в свою очередь, из двух компонентов — биологического и социального» [19]. Именно это позволяет проследить, существовала ли дифференциация по гендерному признаку в организации труда на промышленном предприятии. Гендерный подход в своих исследованиях используют такие зарубежные учёные, как Н. З. Дэвис [9], Р. Хоф [23], Г. Бокк [3], Г. Будде [4], В. З. Голдман [6]. Среди российских учёных выделяются работы Л. П. Репиной [20], М. Г. Муравьёвой [13], С. Г. Айвазовой [1], Ю. Градской [7], И. Жеребкиной [10], А. Усмановой [22].

Организация труда на промышленном предприятии включает в себя следующие аспекты: разделение и кооперацию труда, расстановку работников на производстве и закрепление трудовых обязанностей, организацию рабочих мест, установку распорядка рабочего времени, организацию заработной платы, создание нормальных условий труда [21]. Правильная организация труда рабочих является залогом эффективного производства, а особенно в военное время, когда на предприятиях оказалось огромное количество неквалифицированных рабочих кадров (в том числе и женщин), подчас никогда до этого не работавших на производстве.

Под разделением труда мы понимаем разграничение деятельности работников в ходе совместного труда, а под кооперацией — совместное участие людей в процессе труда. Выделяют технологическое, функциональное, профессиональное и квалификационное разделение труда. Технологическое разделение осуществлялось делением трудового процесса на определённые стадии (подготовка, обработка, сборка и др.). Женщины могли трудиться на любой стадии производственного процесса. Функциональное разделение труда предусматривало отличие основных рабочих, непосредственно участвующих в производстве; вспомогательных рабочих, которые обеспечивали своим трудом работу основного персонала; обслуживающих рабочих, которые создавали условия для производственного процесса. Чаще всего женщины приходили на производство как вспомогательный и обслуживающий персонал. Это было обусловлено их низкой квалификацией и бронированием основных специально-

стей. Бронь работника — это отсрочка от призыва при объявлении всеобщей мобилизации и закрепление на предприятии. Поступая на комбинат чернорабочими, женщины осваивали затем основные профессии. Например, А. Филлимонова поступила в цех ММК 6 августа 1941 г. заточчицей, а к январю 1942 г. находилась на должности бригадира заточки. С. Шлепенко начала свой трудовой путь в цехе отделки с маркировщицы, а в 1942 г. стала дублёром электрокранов [11, 1942, 25 янв.]. Число женщин на комбинате за годы войны увеличилось почти на 83 %. Профессиональное разделение труда осуществлялось в зависимости от профессиональной специализации работника. Женщины всё больше появлялись на «рынке труда» и осваивали ранее «запретные» для них профессии. Среди женщин, работавших на заводе, насчитывалось мотористов на электровозах — 170, машинистов-крановщиков — 176, кочегаров — 93, токарей по металлу — операторов и универсалов — 217, строгальщиков по металлу — 107, шлифовальщиков по металлу — 29, электросварщиков — 78, электромонтеров — 103, наладчиков и настройщиков станков — 36, электромехаников и электрослесарей по сборке электрических машин — 39, каменщиков — 112, штукатуров — 126 [11, 1944, 8 марта]. Так постепенно уменьшалась гендерная дифференциация труда. Квалификационное разделение труда связано было с выполнением работ различной сложности, что означало разделение рабочих по разрядам. Рост квалификации женской рабочей силы был обусловлен необходимостью продвижения по службе и повышением материального благосостояния, так как квалифицированный труд оплачивался выше. Именно поэтому большое количество женщин, пришедших на ММК в начале войны, стремились пройти обучение. Так, за 1941 г. было подготовлено 6928 рабочих, из них 3037 женщин; за 1942 г. всего — 14548 чел., из них 5332 женщины; за 1943 г. всего — 20700 чел., из них 6128 женщин; за 1944 г. всего — 17239 чел., из них 5752 женщины; за 1945 г. всего — 16538 чел., из них 4004 женщины [2, с. 31–32]. Разделение труда неразрывно связано с кооперацией. В сфере производства принято различать три основные формы кооперации труда: межцеховая, внутрицеховая и внутриучастковая. В годы войны наиболее тесная кооперация членов трудового коллектива достигалась при бригадной форме организации труда. Бригадная работа была наиболее распространённой в цехах комбината. Наблюдался иногда соревновательный характер работы бригад. Женские бригады под руководством бригадира старались выполнить как можно больше работы, участвовали в социалистическом соревновании, перевыполняли уже завышенные военные производственные планы. Например, Мария Монжосова была бригадиром вырубщиков. Под её руководством работала бригада в 25 чел., ежедневно выполняя план на 140–150 % [11, 1942, 25 янв.]. По итогам социалистических соревнований выплачивались премии, которые служили дополнительным материальным подспорьем. Работая на износ, женщины не только обеспечивали фронт всем необходимым, но и помогали своей семье выжить в экстремальных условиях войны.

Следующим элементом организации труда можно выделить расстановку работников на производстве и закрепление трудовых обязанностей. Несмотря на то, что процесс привлечения женщин на производство начался в 1930-е гг., массовость это явление обрело в период войны. Существовавшая гендерная сегрегация труда претерпела изменения. В условиях монопромышленного города приход женщин на производство стал необходимостью, ведь нужно было выживать без мужчин, кормить себя и детей. Анна Михайловна Швидченко, родившаяся у подножия горы Магнитной, вспоминает: «Когда мы уже повзрослели, всегда удивлялись: откуда у мамы столько силы было? Наша мама была маленькая, хрупкая, но, когда бралась за трудную мужскую работу, — она была другой. В то время мама говорила про себя: она — баба, мужик, лошадь и корова. Бывало, с отвала, то есть с горы, несёт на себе шпалу, положит на спину, обхватив руками, несёт её домой» [14, с. 22–23]. Трудовая самоотверженность свойственна людям военной эпохи, которые, несмотря на все тяготы войны, работали, старались перевыполнить нормы. В военной истории ММК много примеров женского трудового героизма. Вырубщик металла — профессия, которая до войны считалась исключительно «мужской», так как требовала огромной силы и выносливости. Невозможно было себе представить женщину-вырубщицу, так как в силу своей биологической природы женщина не могла бы выполнять столь трудоёмкий процесс. Из-за особенностей специальности, на комбинате насчитывалось всего 12 женщин-вырубщиц. Пионером в освоении этой профессии стала А. Жаворонкова. Женщине нелегко было всю смену держать тяжёлый пневматический молоток и вырубать по 60–70 т металла. Овладев основными приёмами вырубки, она превосходила опытных квалифицированных мужчин настолько, что никто из них не мог догнать её. А. Жаворонкова стала *четырёхсотницей*, в иные смены ей удавалось вырубить 109 т металла, вместо 14 по норме [11, 1941, 19 сент.]. Данный пример иллюстрирует

процесс изменения поло-ролевых стереотипов в обществе, когда женщина оказалась «на месте» мужчины. Женщина приобрела маскулинные черты, которые помогли ей социализироваться в экстремальной обстановке. Выполнение и перевыполнение плана, позволяло женщинам проявить себя, улучшить материальное положение своей семьи, получить дополнительное снабжение. В. М. Долинина вспоминала: «Но самое главное за выполненную норму кормили горячими обедами. Чувство голода нас не покидало никогда. Всё время хотелось есть... Когда я на карточку получала килограмм хлеба (а нам, рабочим, именно столько полагалось), то этот чёрный сырой кирпичик с травой трудно было донести до дома целым. А дома ждали меня с хлебом бабушка и младший трёхлетний братик...» [5, с. 205]. Но не стоит исключать ценностные (духовные факторы), основанные на любви к своей Родине и необходимости сделать всё возможное для Победы.

Организация рабочих мест включала несколько составляющих: оснащение, обслуживание, планировку. Оснащение представляло собой укомплектование основным оборудованием. Обслуживание подразумевало обеспечение непрерывности производственной деятельности. Планировка — обеспечение пространства рабочего. Организация рабочих мест на ММК в годы войны не имела гендерной специфики. Женщинам приходилось работать на тех же станках и оборудовании, что и мужчинам, подвергаясь тяжёлым физическим нагрузкам. Первоначально женщины, только пришедшие на производство, могли быть прикреплены к опытным рабочим, поэтому не имели организованного рабочего места: ни станка (они были подручными), ни собственного рабочего пространства, — но их задача и заключалась в обеспечении производственного процесса всем необходимым. Впоследствии труженицы работали на отдельных станках, часто занимаясь и его обслуживанием. М. С. Шагинян в своих воспоминаниях показывает, что женщина на рабочем месте проявляла себя как опытная хозяйка, изменяя своё рабочее пространство, делая его более уютным, ухоженным, чистым [24, с. 173–174].

Режим рабочего времени — это определённые правила, регламентирующие использование труда рабочего. Он включал в себя: продолжительность рабочей недели, продолжительность рабочего дня, время начала и окончания работы, время перерывов в работе, графики сменности, чередование рабочих и нерабочих дней. Распорядок рабочего времени регулировался официальными нормативными документами — в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» (июнь 1941 г.) [8, с. 702–703]. Вводились обязательные сверхурочные работы продолжительностью до 3 часов в день с оплатой в полуторном размере. Введение удлинённого рабочего дня, сверхурочных работ, трёхсменки, отмена отпусков позволили на 1/3 увеличить загрузку оборудования, повысить выпуск продукции при том же количестве рабочих. В то же время на комбинате, использование большого количества сверхурочных часов приводило к снижению производительности труда на отдельных участках, особенно связанных с тяжёлым физическим трудом. Одновременно с использованием сверхурочных часов в отдельных цехах комбината нарушалось Постановление СНК СССР об обязательном предоставлении не менее двух выходных дней в месяц всем рабочим. На некоторых участках рабочие систематически работали без выходных или с одним выходным днём. Например, 60 % рабочих механического цеха работали с одним выходным днём в течение нескольких месяцев 1942 г. [12. Ф. 118. Оп. 1. Д. 160. Л. 429]. Эта тенденция распространялась и на женщин-работниц, которые зачастую, не имели возможности пользоваться льготами для матерей с малолетними детьми. Так, некоторые матери, имеющие детей до 8-летнего возраста, не получали полностью выходных дней [12. Ф. 118. Оп. 1. Д. 160. Л. 456]. Воспоминания военных лет пестрят рассказами о работе, без отдыха и выходных. Э. Ф. Сушкова вспоминает, что её мама в период войны работала на эвакуированном самолетостроительном заводе в г. Троицке. С завода не выпускали рабочих круглые сутки, они спали прямо в цехах. Она и её бабушка встречали маму у проходной, чтобы взять продуктовые карточки. А если и отпускали домой, что было редкостью, то Эльвира Фёдоровна видела маму только спящей, а бабушка следила за временем, чтобы вовремя её разбудить, так как опоздание наказывалось сурово [18, с. 263]. Рабочие смены иногда доходили до 18 часов, без отдыха. Из-за физиологического состояния организма, постоянной работы без отдыха, рабочие оставляли рабочие места и спали на территории предприятия [12. Ф. 118. Оп. 1 Д. 160. Л. 229]. Нарушение рабочего графика наблюдалось, особенно среди только пришедших рабочих (в основном это были женщины). Имелись случаи опоздания на работу и ухода с работы раньше срока. В 1942 г. наблюдалось ухудшение трудовой дисциплины в цехах комбината (прогулы, случаи самовольного оставления работы, незаконная выдача увольнительных записок, задержка рабочих в столовых). Для профилактики нарушений трудовой дисциплины по комбинату выходили

специальные приказы, с помощью которых пытались ослабить остроту проблемы. Например, начальникам цехов разрешалось выдавать работникам увольнение от работы только при наличии законных уважительных причин (смерть ближайших родственников, карантин, стихийное бедствие, внезапное заболевание). Длительность увольнения не должна была превышать одного-двух дней. На заседании заводского комитета отмечалось, что на комбинате встречались случаи симуляции болезни и выписки больничных листов здоровым людям. Так называемая «болезнь на заказ», когда, находясь на больничном, работники ходили на рынок, копали огороды. Труженики абсолютно не имели свободного времени для ведения домашнего хозяйства, что являлось причиной подобного девиантного поведения. Оно было оправдано проблемой выживания в условиях войны. Ведь семья тоже требовала внимания, особенно внимания «работающей матери», которая сутками находилась на рабочем месте [12. Ф. 118. Оп. 1. Д. 160. Л. 197; Ф. 99. Оп. 10. Д. 1126. Л. 174, 178].

Руководство комбината не считалось с психофизическим состоянием своих работников, оправдывая это военной обстановкой, мобилизационной моделью экономики. Во время войны важно было обеспечить фронт всем необходимым. Г. М. Бунькова вспоминает: «Есть в русском языке магические слова: “Надо. Кто, если не мы!”» [16, с. 109].

Под организацией оплаты труда понимается совокупность мероприятий, направленных на вознаграждение за труд в зависимости от его качества и количества. Сюда можно отнести нормирование заработной платы и систему премирования. Среднемесячная заработная плата одного рабочего на ММК в годы войны находилась на следующем уровне: 1940 г. — 366 руб. (100 %), 1941 г. — 416 руб. (114 %), 1942 г. — 436 руб. (119 %), 1943 г. — 542 руб. (148 %), 1944 г. — 747 руб. (204 %) [12. Ф. 118. Оп. 1. Д. 160. Л. 15]. Анализ архивных материалов показывает, что некоторые рабочие заводов Челябинской области, имевшие низкую квалификацию, зарабатывали всего 170 руб., при прожиточном минимуме 190 руб. [15. Ф. 288. Оп. 42. Д. 24. Л. 418]. Поскольку женщины, как правило, имели низкую квалификацию, заработная плата мужчин на ММК была выше. Данное явление не было вызвано гендерными различиями в выплате заработной платы, дифференциация зависела только от специальности и квалификации. Анализ приказов на премирование работников ММК показывает, что суммы выплачиваемых премий не зависели от гендерной принадлежности работника, женщины и мужчины с одинаковой специальностью премировались одинаково. Количество премированных женщин было небольшим по сравнению с мужчинами, но это, на наш взгляд, было вызвано общим гендерным составом рабочих ММК, где в соответствии со спецификой предприятия, преобладали мужские рабочие кадры [12. Ф. 99. Оп. 10. Д. 1129. Л. 128–136]. Наряду с этим отметим гендерные особенности организации оплаты труда. Так, премирование женщин чаще всего приурочивали к Международному женскому дню 8 Марта. Премировались и подсобные рабочие, вплоть до уборщиц, и квалифицированные кадры. Премии обычно составляли от 300 до 1000 руб. Отмечали женщин-передовиков также необходимыми товарами, например, платьями или юбками, мануфактурой и др. Женщинам, которые в массовом сознании были носителями эстетической функции (обаяние, красота), это было особенно важно [17, с. 87].

Под нормальными условиями труда понимаются организационно-технические и санитарно-гигиенические правила, которые должны быть обеспечены работнику на предприятии. Безусловно, при анализе условий труда необходимо принимать во внимание функционирование предприятия и специфику предприятия (производственная) в экстремальных условиях войны, которые нельзя назвать оптимальным условием труда. В большинстве цехов комбината условия труда были вредными и опасными. Анализируя архивные документы военных лет, можно констатировать, что на рабочих местах наблюдались захламленность и загромождение рабочих мест, проходов; недостаточно было предупреждающих сигналов и плакатов. В горячих цехах — даже если имелись вентиляционные установки, — они зачастую не функционировали. Многие агрегаты по охлаждению и очистке воздуха, подаваемого для обдувания рабочих, не работали или частично были разрушены. В горячих рабочих цехах нерегулярно получали газированную воду. Подсаливание воды для восполнения солевых потерь почти не проводили, что сводило к минимуму значение питьевого режима в горячих цехах. Несвоевременность профилактических ремонтов заводских зданий (в том числе и бытовых помещений), полов, недостаточность ограждений и неиспользование их на отдельных механизмах — приводили к случаям травматизма, увеличению которых (особенно среди вновь пришедших рабочих, в том числе женщин) способствовал и формально-проводимый инструктаж рабочих и отсутствие надлежащего контроля за исполнением техники безопасности [12. Ф. 99. Оп. 10. Д. 1126. Л. 83]. Так, травматизм по

ММК за 10 месяцев 1942 г. повысился на 13 % по сравнению с тем же периодом 1941 г. [12. Ф. 118. Оп. 1. Д. 160. Л. 103]. К. Г. Шакирова вспоминала: «В середине 1944-го мастер предложил мне освоить профессию станочника. Работать было тяжело и физически, и морально. Я периодически наблюдала, как на станках травмировались люди, среди них очень много подростков. Бывали даже случаи со смертельным исходом» [5, с. 215].

Часто цеха не отапливались. Спецодежда, выдаваемая рабочим (в том числе женщинам), часто не соответствовала размерам, и необходимо было приспосабливаться к тому, чтобы не просто в ней находиться, но ещё и работать. Так, женщинам могли выдать ботинки 40 размера, спецкостюм, больший на несколько размеров [16, с. 115]. Можно констатировать, что учёта гендерных особенностей в оснащении работников одеждой не было. Руководство комбината не учитывало потребностей женской части работников в другой форме спецодежды и обуви. Более того, некоторые рабочие вообще не были снабжены одеждой и обувью, что нередко становилось причиной трудового дезертизма.

Итак, Магнитогорский металлургический комбинат был типичным примером промышленного предприятия оборонного значения в зоне глубокого тыла. Практика организации труда на этом предприятии была характерной для существующей в тот период мобилизационной модели экономики. С началом войны отмечалось ужесточение законодательства, регулирующего режим рабочего времени. С другой стороны, наблюдалось ослабление контроля в сфере охраны труда, что было обусловлено военным периодом и подчинением производства военным нуждам. Женщины составляли значительную часть рабочего состава (44 %), что явилось вынужденной необходимостью выживания в условиях монопромышленного города. В большинстве случаев они занимали неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие места или составляли низшее руководящее звено (бригадиры). Не было гендерных различий в организации труда на производственном промышленном предприятии (на примере ММК), хотя в вовлечении женщин на производство руководство страны было заинтересовано. На территории СССР действовали нормативно-правовые акты по охране материнства и детства, особенно выделяя группу работающих матерей, но на практике наблюдалось нарушение законодательства. Женщины вынуждены были приспосабливаться к существующей модели организации труда, мотивированные возможностью исправить материальное положение семьи и помочь Родине в борьбе против врага.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазова С. Г. Гендерный ракурс массовой политики // Женщина в российском обществе. 2016. № 1 (78). С. 24–34.
2. Ануфриенко Г. П. Женщины Магнитки в годы Отечественной войны // Творческая деятельность рабочего класса Магнитки. Труды Магнитогорского горно-металлургического института им. Г. Н. Носова. Вып. 149. Магнитогорск. 1967. С. 27–36.
3. Бокк Г. История, история женщин, история полов // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 170–200
4. Будде Г. Ф. Пол истории // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 1999. Вып. 1. С. 131–154.
5. Говорят герои Великой Победы: диалог поколений. Магнитка — подвиг тыла. М.: ЗАО «СВП-Медиапроекты», 2013. 288 с.
6. Голдман В. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОС-СПЭН: фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 360 с.
7. Градскова Ю. «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности. М., 1999. 156 с.
8. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 годы). Т. 2: 1929–1945 гг.: сб. документов. М.: Политиздат. 1957. 888 с.
9. Дэвис Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999. 400 с.
10. Жеребкина И. Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России. СПб., 2001. 336 с.
11. «Магнитогорский рабочий»: орган Магнитогорского горкома ВКП(б) и горсовета депутатов трудящихся. 1941–1945 гг.
12. Муниципальное учреждение «Магнитогорский городской архив» (МУ МГА).
13. Муравьёва М. Г. Гендерная история. URL: <http://owl.ru/gender/022.htm>
14. Не гаснет памяти свеча: сб. писем-воспоминаний детей погибших защитников Отечества. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2005. 243 с.
15. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).
16. Одна на всех победа: книга воспоминаний университета: в 3 ч. / Челяб. гос. пед. ун-т; сост. Н. А. Вахрушева, И. А. Филиппова. Челябинск: ЧГПУ, 2005. 256 с.

17. Павленко В. Д. Огненный рубеж фронта и тыла: Челябинская область в 1941–1945 гг. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд., 2005. 328 с.
18. Память сердца. Отчёт детей перед погибшими и ушедшими родителями / сост. и ред. А. М. Котляренко. Челябинск: Челябинский дом печати, 2013. 304 с.
19. Пушкарёва Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопр. истории. 1998. № 6. С. 74–89.
20. Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. 352 с.
21. Рофе А. И. Организация и нормирование труда: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2014. 567 с.
22. Усманова А. «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные исследования. 2001. № 4. С. 149–176.
23. Хоф Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. М., 1999. Вып. 1. С. 23–54.
24. Шагинян М. С. Урал в боях за Родину // Слово об Урале: Очерки советских писателей и журналистов / сост. А. А. Золотов. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1984. С. 173–174.

Поступила в редакцию 04.12.2017

Савичева Юлия Олеговна, аспирант кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
455000, Россия, г. Магнитогорск, просп. Ленина, 38
E-mail: yulechka_12may@mail.ru

Yu. O. Savicheva

LABOR ORGANIZATION AT THE MAGNITOGORSK IRON AND STEEL WORKS IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: A GENDER PERSPECTIVE

This article is concerned with gender features of labor organization at the Magnitogorsk Iron and Steel Works in the war time. This issue is very important from the historical viewpoint due to a significant increase in the portion of female labor in that period. The Magnitogorsk Iron and Steel works was a typical industrial enterprise of defense industry in the rear. The main sources of information include historical archives and recollections, while the theoretical basis is represented by the gender approach. The article analyzes the main aspects of the organization of labor in an industrial enterprise, such as the consolidation of labor duties of workers and their placement in the workplace, the organization of jobs, working time, working conditions, and the organization of remuneration of industrial workers. The paper concludes that there was a gender-specific organization of industrial activity under the military conditions of the rear monoproduction city and shows their impact on female workers. It was the production activity of the female population of industrial cities that became the basis of survival under the conditions of war.

Keywords: gender history, Great Patriotic war, labor organization, industrial enterprise, female population.

REFERENCES

1. Ajvazova S. G. Gendernyj rakurs massovoj politiki [Gender Perspective of Mass Policy]. Zhenshchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society], 2016, no. 1 (78), pp. 24–34. (In Russian).
2. Anufrienko G. P. Zhenshchiny Magnitki v gody Otechestvennoj vojny [Women of Magnitogorsk during the Patriotic War]. Tvorcheskaya deyatel'nost' rabocheho klassa Magnitki. Trudy Magnitogorskogo gorno-metallurgicheskogo institute im. G. N. Nosova [The Creative Activity of the Working Class of Magnitka. Proceedings of Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute. G. N. Nosov], vol. 149. Magnitogorsk, 1967, pp. 27–36. (In Russian).
3. Bokk G. Istorija, istoriya zhenshchin, istoriya polov [History, History of Women, History of the Sexes]. THESIS, 1994, vol. 6, pp. 170–200. (In Russian).
4. Budde G. F. Pol istorii [Gender History]. Pol. Gender. Kul'tura. Nemeckie i russkie issledovaniya [Sex. Gender. Culture. German and Russian Studies.]. Moscow, 1999, vol. 1, pp 131–154. (In Russian).
5. Govoryat geroi Velikoj Pobedy: dialog pokolenij. Magnitka — podvig tyla [They Say the Heroes of the Great Victory: the Dialogue of Generations. Magnitogorsk — the Feat of the Rear]. Moscow, ZAO “SVP-Mediaproekty” Publ., 2013, 288 p. (In Russian).
6. Goldman V. Zhenshchiny u prohodnoj. Gendernye otnosheniya v sovetskoj industrii (1917–1937 gg.) [Women at the Entrance. Gender Relations in Soviet Industry (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2010, 360 p. (In Russian).
7. Gradskova Yu. “Obychnaya” sovetskaya zhenshchina — obzor opisaniy identichnosti [“Ordinary” Soviet Woman — Overview of Identity Descriptions]. Moscow, 1999, 156 p. (In Russian).

8. Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1957 gody) [Directives of the CPSU and the Soviet Government on Economic Issues (1917–1957), vol. 2, 1929–1945, a Collection of Documents]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, 888 p. (In Russian).
9. *Dehvis N. Z.* Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka [Ladies on the Roadside. Three Female Portraits of the 17 century]. Moscow, 1999, 400 p. (In Russian).
10. *Zherebkina I.* Strast'. Zhenskoe telo i zhenskaya seksual'nost' v Rossii [Passion. Female Body and Female Sexuality in Russia.]. St. Petersburg, 2001, 336 p. (In Russian).
11. “Magnitogorskij rabochij”: organ Magnitogorskogo gorkoma VKP(b) i gorsoveta deputatov trudyashchihsy [“Magnitogorsk Worker”: the Body of the Magnitogorsk City Committee of the CPSU(b) and the City Council of Workers’ Deputies] 1941–1945 gg. (In Russian).
12. Municipal'noe uchrezhdenie “Magnitogorskij gorodskoj arhiv” [“Magnitogorsk City Archive”] (MU MGA). (In Russian, unpublished).
13. *Murav'eva M. G.* Gendernaya istoriya [Gender History]. URL: <http://owl.ru/gender/022.htm> (In Russian).
14. Ne gasnet pamyati svecha: sbornik pisem-vozpominanij detej pogibshih zashchitnikov Otechestva [Memory is not Extinguished Candle: a Collection of Letters Written to Children of the Fallen Defenders of the Fatherland]. Magnitogorsk, Magnitogorsk Print. House, 2005, 243 p. (In Russian).
15. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [Joint State Archive of Chelyabinsk Region (OGACHO)]. (In Russian, unpublished).
16. Odn na vsekh pobeda: kniga vospominanij universiteta [One Victory for All: the Book of Memories of the University]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Press, 2005, 256 p. (In Russian).
17. *Pavlenko V. D.* Ognennyj rubezh fronta i tyla: Chelyabinskaya oblast' v 1941–1945 gg. [Fire Line Front and Rear: Chelyabinsk Region in 1941–1945]. Chelyabinsk, South-Ural Book Publ. House, 2005, 328 p. (In Russian).
18. Pamyat' serdca. Otchet detej pered pogibshimi i ushedshimi roditelyami [The Memory of the Heart. Children's Report to the Deceased and Deceased Parents]. Chelyabinsk, Chelyabinsk House of the Press, 2013, 304 p. (In Russian).
19. *Pushkareva N. L.* Gendernye issledovaniya: rozhdienie, stanovlenie, metody i perspektivy [Gender Studies: Birth, Formation, Methods and Perspectives]. Voprosy Istorii [Question of History], 1998, no. 6, pp. 74–89. (In Russian).
20. *Repina L. P.* Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropejskogo proshlogo. Ocherki. Hrestomatiya [Women and Men in History: a New Picture of the European Past. Essays. Reader.]. Moscow, 2002, 352 p. (In Russian).
21. *Rofe A. I.* Organizaciya i normirovanie truda: uchebnoe posobie [Organization and Regulation of Labor: Textbook]. Moscow, KNORUS Publ., 2014, 567 p. (In Russian).
22. *Usmanova A.* “Vizual'nyj povorot” i gendernaya istoriya [“Visual Twist” and Gender History]. Gendernye issledovaniya [Gender Study], 2001, no. 4, pp. 149–176. (In Russian).
23. *Hof R.* Vozniknovenie i razvitie gendernyh issledovanij [The Emergence and Development of Gender Studies]. Pol. Gender. Kul'tura. Nemeckie i russkie issledovaniya [Sex. Gender. Culture. German and Russian Studies]. Moscow, 1999, issue 1, pp. 23–54. (In Russian).
24. *Shaginyan M. S.* Ural v boyah za Rodinu [Ural in Battles for Homeland]. Slovo ob Urale: Ocherki sovetskih pisatelej i zhurnalistov [A Word about the Urals: Essays by Soviet Writers and Journalists]. Chelyabinsk, South-Ural book Publ. House, 1984, pp. 173–174. (In Russian).

Received 04.12.2017

Savicheva Yu. O., postgraduate student of the Department of World History
Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov
Lenina Avenue, 38, Magnitogorsk, Russia, 455000
E-mail: yulechka_12may@mail.ru